

Из тупика исторического разума

Философия истории — словосочетание противоестественное. Оно сводит вместе два несводимых смысла, два опыта, которые не желают сближения. Но их напряженный диалог необходим. Он возможен. Он происходит, пока продолжается история, и даже некоторое время после ее завершения. По крайней мере на это существует надежда. И такая надежда имеет прямое отношение к нашим судьбам — судьбам людей, живущих сегодня в России. Для России, клиническую смерть которой дружно констатируют патриоты, и для идеи равенства, которую охотно хоронят политики, философия истории может оказаться целительным средством, если только философия истории вновь возникнет в России.

В чем надежда?

Философия не только альтернативна истории как науке и не только подобно тому, как неуходящее альтернативно прошлому. Философия альтернативна истории как процессу, для которого человек — средство. Последние два тысячелетия — срок нашей исторической жизни, т. е. нашей жизни в истории и посредством истории — выявляют такую альтернативность. История — процесс, обладающий неким «смыслом», движение по направлению к этому смыслу. Любой человек, любой народ могут представлять (и как следствие — быть) «историческими» или «неисторическими», а значит, выступать средством по отношению к смыслам истории. Народ, человек рассекаются на «историческое» и «неисторическое». Неисторическое получает названия обыденного, повседневного, следовательно, незначашего.

Но для философии человек средством стать не может, поэтому философия оспаривает превращение человеческой личности в средство. Человек в той мере, в какой он сопротивляется превращению в средство истории, философствует и постоянно возрождает философию.

Наше настоящее совпало с кризисом истории как формы человеческого существования, как способа жизни. Понятия, которые раскрывают сегодня содержание общественной жизни — *равенство, патриотизм, справедливость, истина*, — неотрывны от истории как способа жизни. Понятий этих нам явно недостаточно, чтобы прояснить мировую и отечественную ситуации, и все же именно в них мы упрямо пытаемся обнаружить ответы. Выход за пределы этих понятий означал бы покушение на основы историче-

---

Рожанский М. Я. — кандидат философских наук, доцент кафедры философии Иркутского научного центра Сибирского отделения РАН. Специалист в области философии истории и исторического сознания.

ского существования, и в то же время история, живущая в нас, не позволяет данные понятия переосмыслить.

В числе симптомов кризиса исторического существования — т надрывные слова, которые произносятся по поводу *духовности*, и сопряжение подобных слов с темой самоуничтожения народа, крушения страны мировой гибели... Так в современной лексике история возвращается к своим истокам. История как способ жизни и была попыткой человека избежать смерти духа, перепоручив его судьбу земным инстанциям: народу стране, миру.

История — шанс человека продолжить жизнь после своей физической кончины, продолжить духовное существование через смысл истории, внося вклад в достижение этого смысла. Одновременно история — и попытка решить проблему равенства через уравнивание всех перед высшим смыслом и принятие неравенства, отбора людей как временно (в настоящем или прошлом) неизбежного.

Мы — свидетели и участники кризиса истории, но чаще всего воспринимаем его как кризис идеологий и верований — как крах коммунистической идеи или выброс национализма. Но кризис много глубже и не ограничен пространством, которое называли «советский мир». Мы здесь по-своему переживаем мировой кризис истории как способа жизни. Словосочетание «конец истории», которое пустил в обиход Ф. Фукуяма, трактуется американским ученым как победный итог, как достижение историей своего смысла в утверждении идеологии либерализма и, следовательно, механизмов рынка и демократии. Но существует иное понимание «конца истории», разрабатываемое М. Гефтером, — концепция исчерпания истории¹. История исчерпывает себя как способ жизни, и итог истории имеет, скорее, привкус поражения, нежели победы: достигнув неких результатов, история обнаружила, что с миром не совпадает, что весь мир к своему «смыслу» привести не в силах и что мир к единому смыслу не приводим. А отказаться от этих претензий означает для истории отказаться от противостояния эволюции, от универсализма, уйти от определения своего смысла, т. е. отказаться от самой себя.

Попытка увлечь человека и человечество историческим существованием терпит поражение. Неевропейские миры продолжают свое эволюционное существование *вне истории*, сопротивляясь ей или даже вполне приспособивая ее к себе. И в европейских мирах люди способны жить повседневностью, не растворяясь в историческом существовании. Такие люди не доверяют миру истории как миру нарочитому, нереальному. Находятся и такие, что сознательно живут вне истории, отвергают ее за покушение на человеческое Я. История обрушивается на них, ломает или вкрадчиво подчиняет их себе, но не в силах совладать ни с теми, ни с другими. История завершена? Будем придерживаться понятия «кризис истории», чтобы не вступать на путь пророчества, который не предполагает философского переживания.

Кризис истории стал злобой сегодняшнего дня России: рассыпалась коммунистическая схема, беспомощно твердят пройденное универсалисты («западники»); национальная идея, несмотря на энергию своих глашатаев, не пробуждает мыслительной работы. В Сибири кризис истории виден отчетливо и выглядит по-своему, как, вероятно, и везде. Исторический вектор индустриализации, преобразования, «приращения российского могущества» натолкнулся в Сибири на миры, для которых любая форма неравенства с природой, насилия над эволюцией равнозначна скоротечному распаду. И в

¹ См. Гефтер М. Я. От ядерного мира - к миру миров. «Из тех и этих лет». М., 1991; он же. Мир миров. «50/50. Опыт словаря нового мышления». М., 1983.

недрах распада СССР не тот ли самый конфликт — столкновение исторических устремлений России и ее неисторических миров?

Обнаружив себя среди кровавых раздоров, политических перебранок, погромов, мы определяем, все это как порожденную сном разума власть чего-то чудовищного, иррационального. Но сон разума — метафора, искажающая ситуацию. В родословной этой иррациональности — увлеченный самим собой разум. И если отбросить метафору, то станет очевидно, что разум — один из основных участников происходящего. В этом настоящая трудность, но в этом и надежда на овладение ситуацией. Речь не о разуме вообще, а о том разуме, который Кант назвал «чистым».

Чистый разум — разум, озабоченный истиной. История как форма человеческого существования породила основной смысл понятия Истины, наделив ее функцией быть всеобщим критерием фактов мира. Чистый разум, понятие истины предстали основой и окончательным оправданием Отбора, исторического движения. Таким образом, история породила само расщепление разума на чистый и практический, отдавая безусловный приоритет первому и понимая практику как полигон для опробования достижений чистого разума, как поле столкновения истины и заблуждений, ошибок и провидений. Практический разум — разум, ориентированный на Благо, но и благо оказалось объектом истины как безусловного критерия, превратилось в некое внесубъектное начало. Понятие «истинное благо» — апофеоз власти истории над человеком. В том, что чистый разум узурпирует функции, предмет, права практического разума, воплощается сущностная логика исторической жизни — логика безостановочного выбора, отбора, продвижения к некоему грядущему смыслу. Чистый разум подчиняется данной логике, движется уже не столько познанием, сколько обоснованием смысла и вполне может быть назван историческим разумом.

Исторический разум исчерпал созидательные возможности, но живет, воспроизводит себя через сознательное и бессознательное в современном человеке, позволяя участникам социальных столкновений оправдывать бескомпромиссность. Каждый настаивает на истинности своей позиции, единственности пути в будущее, безупречности своего взгляда на мир и на том, что данный взгляд обоснован историей. Мы слышим постоянно слово «истина», и часто именно оно мешает достичь компромисса и найти возможность соучаствовать в мире миров. Мир, согласно историческому разуму, может быть только один, истинный.

Видимо, самый безнадежный из тупиков исторического разума — ошибка универсалистских и националистических позиций в России. Нынешний российский национализм неукротимо вырастает как протест, как отстаивание прав «почвы», повседневной жизни, памяти против всемогущих исторических проектов — коммунистической идеи, индустриализации, потребительского общества. Но, сопротивляясь истории, современное российское «почвенничество» оборачивается новой модификацией исторического разума, усвоив его стремление привести мир в соответствие с высшим смыслом: прошлое превращено в жесткий незамысловатый каркас, человек обладает ценностью лишь как представитель идееносной инстанции (народа), все сущее подвержено обязательной оценке от имени той же отвлеченной инстанции, а будущее обязано быть торжеством истинного блага, иначе оно неосуществимо, иначе — апокалипсис.

Для «западников», активно выступающих на российской политической арене под именем демократов, права человека и свобода индивида ценности несомненные. Здесь пролегает водораздел между «западниками» и «почвенниками». Но все же сущностной категорией, абсолютной инстанцией служит «мировой опыт», т. е. некая универсальная историческая рецептура. Универсалистская позиция сразу лишает человека конкретности превращает его в средство исторического процесса. Достаточно обратить

внимание на служебный характер понятия «советский человек», лишённого конкретности, но перегруженного оценкой.

Власть исторического разума над людьми и ситуацией также и в том, что универсалисты и националисты воздвигают между собой непреодолимый барьер, не замечая очевидных черт сходства и единой родословной. Имея дело с «человеком вообще», выступая полпредами абсолютных инстанций, позиции эти неспособны к диалогу. Место их диалога должно совпасть с предметом — конкретный человек, уникальный в своей конкретности. А уникальный — значит не подлежащий оценке, равный миру, способный говорить с миром на равных. Но отказ от оценки человека — это отказ от права представлять некую несомненную инстанцию и прекратить выступления от ее имени. Подобный отказ — самоуничтожение идеологической позиции, и в логике исторического разума он невозможен. Так мы возвращаемся к философии как альтернативе исторического существования.

Еще тогда, когда история только складывается, в эллинистическом мире, философия в споре с историей проясняет уникальность человека, уникальность каждого (киннки, стоицизм и вершинно — Новый Завет). Осознать уникальность каждого человека, каждого народа, каждого места — значит осознать и свою собственную уникальность как цель и как условие. Это позиция философская, и она дает выход из тех проблем, которые для истории неразрешимы.

Противостояние универсализма и национализма, «западников» и «почвенников» действительно тупиковое, но это тупик в пределах исторического существования и исторического разума; в этих пределах выбор, отбор, которого требует логика истории, невозможен. Слова-отмычки — *национализм, интернационализм, патриотизм, мировой опыт* — не позволяют вести мыслительную работу. Они связаны сделанным выбором — предварительным принятым ответом. Итог мысли известен заранее и наделен значением истины. Это исторические понятия и исторические ответы. Философия предлагает понятие, не предполагающее единственности ответа, но открывающее человека и мир для диалога, — *космополитизм*.

Космополитизм — позиция философская, оттого она и идеологически сомнительна. В пределах исторического разума приоритет может быть отдан либо почве, либо универсальности, а нежелание выбирать может быть интерпретировано лишь как лукавство, маскировка порочного выбора. Космополитизм в отличие от понятий исторических не принуждает выбирать между полисом и космосом, между привязанностью к Родине и принадлежностью к человечеству. Уникальность и всеобщность — два зеркала, в кои всматривается конкретный человек, или, точнее, они — собеседники, ведущие диалог в конкретном человеке. Уникальны человеческое *Я*, его происхождение, его полис. Космос, мир, человеческий род всеобщи. Но всеобщее может постигаться лишь через уникальные человеческие миры, составляющие его. И собственная уникальность, происхождение свое, Родина могут постигаться лишь через познание всеобщего. Космополитизм — взаимовглядывание мира человека и его полиса, важнейший момент и условие движения людей навстречу друг другу посредством философской работы: человек осознает свою уникальность, сознавая уникальность каждого, а уникальность каждого осознает, сознавая *свою* Общность, в которую входит человек, он понимает как *свою*, понимая одновременно ее как один из миров в мире. В движении людей навстречу друг другу, а не в объединении на исторически определенных платформах, обнаруживает себя надежда на прорыв из кризиса истории.

Потребность в философии истории

Возможна ли философия, обращенная к истории и пренебрегающая конкретным человеком? Возможна ли негуманистическая философия? Философия рождается, когда человек общины из общины выделяется и осознает свою выделенность из среды, свою «вброшенность» в мир, когда рождается человеческое Я. Потребность установить осмысленные отношения с миром приводит к тому, что в беседе человека с человеком появляются особый предмет, особые формы мышления и речевые конструкции, получившие имя «философия». Формируется специфическая деятельность, особый способ человеческой жизни. Собственно, специфика самого предмета философии — «отношения между человеком и миром» — уже предполагает специфику способов, средств освоения мира философом и отстаивание особого места философа в социуме. Человек — не «человек вообще», а человек уникальный, не обобщаемый без остатка в понятиях и концепциях — включен в предмет философии. Философия вынуждена оперировать «человеком вообще», понятием человека, но понятие выступает как псевдоним конкретного человека (философа или его собеседника), и условность этого псевдонима философия подразумевает постольку, поскольку философией остается.

Если человеческая уникальность исчезает из предмета философии, то исчезает и философия как особая форма сознания, как специфическая деятельность, как способ жизни. Исчезает философ... Остаются наука или идеология, может сохраняться философствование как претензия на особую форму выражения, но сама философия исчезает или замирает вместе со своим предметом. Исчезает или замирает философ в человеке, даже если этот человек занимается философией.

Почему же мы вновь и вновь возвращаемся к понятию «гуманизм», испытываем в этом понятии нужду, призываем сделать философию гуманистической, обратиться к человеку?

Для человека, живущего сейчас в России, философская работа — двигаться навстречу другому через понимание своей уникальности и осознавать себя через принятие уникальности другого — затруднена. Затруднена | потому, что он — человек исторический, наследник истории, его родиной является и история тоже. История живет в наших жестах, привычках, взглядах, в интонациях и способах строить отношения. Этот внутренний исторический человек ориентирует нас на единственность подлинного будущего, на общность истинного выбора, на непрерывную селекцию наших предков («свои»—«чужие»). Прошлое превращается в бездонный источник аргументов, ожесточающих сегодняшние противостояния. Поэтому и необходима философия истории — чтобы понять этого внутреннего человека, осознать себя в контексте истории и осмыслить историю как родину, как почву нашей собственной уникальности. Философия истории и есть осознание отношений между уникальным человеком и миром историческим. Философия истории — сведение альтернатив, их диалог: философии истории, человеческой уникальности и совместимости людей, их общего движения. Подобное соединение трудно, но трудность эта созидаящая. Соединение философии и истории возможно как осознание человеческого опыта в контексте истории и осознание истории через конкретный человеческий опыт (и прежде всего свой личный). Однако в России традиции философии истории нет.

Потребность в философии истории пульсирует в русской культуре XIX—XX вв., но, назвав имена Пушкина, Чаадаева, Герцена, Толстого, Георгия Федотова, мы обозначим индивидуальные прорывы, высокие образцы, но не традицию. Главная особенность исторического существования России в том, что с момента вхождения страны в историю всегда роль

субъекта истории, монополия на эту роль узурпировалась властью. Поэтому личный исторический опыт мог быть рожден только отстранением от власти, и это было поступком. А значит, отношения с властью нужно было объяснить — если не людям, то по крайней мере самому себе. Отношения с историей в России — синоним отношений с властью. Отношения с властью оказываются импульсом для философии истории и ее предметом. И философия истории сама по себе как заявление о личном неотчуждаемом историческом опыте была поступком. Достаточно вспомнить «Бориса Годунова», «Философические письма», «Былое и думы». Осмысливая человеческий опыт, отношения человека с историей, человек из России тем самым отстаивает право быть субъектом истории, оппонировать власти или порывает с ней. И сей предмет — отношения с властью, — столь насущный и кровотокающий, как бы придавливает мыслительную работу, мешает философскому обращению с историей. Человеку с кровотокающей раной трудно философствовать — не позволяет прерывистое дыхание. Оттого и редки прорывы в философию истории.

В «Записках» декабриста А. Поджио обозначена точная дата рождения философии истории России — той самой, традиция которой не сложилась. Десятого июля 1826 г. в комендантском домике Петропавловской крепости был зачитан приговор над участниками тайных обществ. Поджио описывает этот полдень, зал комендантского домика, действующих лиц, но его мысль пытается охватить всю историю России, осваивает прошедшее, вопрошает будущее и постоянно возвращается в зал, где противостоят приговаривающие и приговариваемые.

Что развело их и их судьбы, что раскололо общую сословную, предписанную судьбу? Можно видеть за расхождением судеб трусость одних, лицедейство других, можно видеть мужество и верность чести декабристов (как и верность и честь тех, кто не мог оказаться на площади), но достаточно ли этого для понимания происшедшего, происходящего и будущего? За различием мнений и позиций, за предательством и выслуживанием, за подвигом встает история России. Совпадение и расхождение индивидуального выбора с властными предписаниями надо было понять. Конкретное время и место становятся временем и местом российской истории. Поджио, пытаясь охватить логику происходящего в маленьком зале, вглядываясь в лица присутствующих, обнаруживает в современниках предков и потомков, обращается в прошлое и будущее России. В тот день в комендантском зале Петропавловки встретились все действующие лица русской истории, вызванные личным переживанием Поджио, и потрясенная его духовным опытом сама логика этой истории. История и оказалась личным духовным опытом, а конкретный человек, конкретные судьбы (не высший смысл!) — итогом истории.

Пушкинское «И я бы мог...» — не только переживание поэта, избегнувшего расправы, но и образ России, где личный выбор уже ищет себе место, где человек пытается быть собой и найти общий путь к той стране, в которой он мог бы собой быть. Собой — значит наследником Пугачева и Вольтера, собеседником Чаадаева и Николая I. «И я бы мог...» рядом с фигурками повешенных — не сослагательное размышление, а вопрос к своей судьбе, ответ на который не даст ни Господь, ни государь. Вопрос к самому себе оборачивается неутолимимым вопрошением к истории России. Из этого же полдня, в котором был произнесен приговор над товарищами, ведут свой спор Чаадаев и Пушкин. И в каждом конкретном случае — Пушкина, Чаадаева, Поджио — вопросы вырастают из личного духовного опыта: разворачивается диалог России и Европы в отставном гусаре, а в опальном поэте беспрестанно всматриваются друг в друга село Михайловское и Санкт-Петербург.

Возвращение в равенство

Что же мешает сегодня включить личный духовный опыт в предмет философии?

Ставить вопросы к самому себе можно лишь не будучи самоуверенным, а самоуверенности лишают опыт поражения, как и опыт вины. Но ни того, ни другого опыта нет. По крайней мере, он не выговаривается теми, кто публично говорит, и, видимо, не продумывается. Прозвучал призыв к покаянию, охотно подхвачен, и покаяние стало ритуалом, имитацией гражданской совести. Покаяние как мыслительная работа, как осмысление личной вины, как самопознание оказывается ненужным — исполнен ритуал, и ты вновь вправе учить людей и мир. Опыт поражения? О нем даже нет речи — возможно, потому, что каждый из нас вырос в стране-победительнице.

Крах, который терпят сегодня идеи, казавшиеся вчера естественными и очевидными, разрушение прошлого, которое было предметом гордости, не ощущаются как личное поражение — каждый чувствует себя на стороне претерпевшей или временно отступившей. Переход с одной позиции на другую совершается предельно легко. Почему?

По существу переход не совершен. Не изменилось основное — привычка говорить от имени инстанции, опора на инстанцию как на гарант истинности собственных взглядов. Инстанции стали разнообразнее — в этом движение, но в этом и самообман. Даже уникальность человека может быть превращена (и превращается) в некую абсолютную инстанцию, от имени которой обвиняется мир. Такими инстанциями стали *гуманизм, духовность*.

Наиболее распространенный жанр суждений о гуманизме и духовности — жанр заклинания. Это всегда обращение сверху вниз. Говорящий, гуманитарий, как бы зная, что есть духовность, а что бездуховность, выполняет долг просветителя. Таким образом, духовность оказывается смертью духа — знаем ответы, но не умеем ставить вопросы, достаточно неразрешимые для того, чтобы дух искал на них ответы неустанно. Пока дух ищет ответы, он — жив. Когда он ощущает себя абсолютным, претендует на роль судьи, выносящего вердикты, — это уже не дух, а нечто иное.

История сегодня служит материалом для параллелей, поучений, обвинений, но мы не чувствуем внутренней драмы Маяковского или Бухарина, графа Витте, т. е. тех вопросов и трудностей, которыми жили наши предшественники. С этим связано и неумение видеть внутреннюю драму собственной жизни, чувствовать себя создателями нашего настоящего. Становясь сегодня на службу политическим, национальным, религиозным идеям, духовности и гуманизму, гуманитарий не способен развивать философию истории, осмысливать опыт личного перелома, поскольку по отношению к любой идее духовный опыт отдельного человека — лишь частность. Из личного вычленяется лишь «общественно значимое»: в своей целостности, причудах, неповторимом рисунке частная жизнь воспринимается как нечто второстепенное по сравнению с ходом истории, с судьбой основных субъектов истории — народа, державы, класса, нации, революции, социализма, демократии. Личный духовный опыт, как все «частное», был предметом пренебрежения, теперь он стал в лучшем случае материалом для иллюстраций.

Выражение «общественно значимое» нуждается в осмыслении. Философия истории — работа по созиданию общества. Общество — тонкая ткань человеческих отношений, которая создает опору власти и сопротивляется ее претензиям, охраняет независимость человека и обуздывает его стихию. Власть (материальная или идеологическая) не всемогуща: она может разрушить общество, но не способна создать его. Общество возникает только как

негласный договор людей разных и равных, сохраняющих свою индивидуальность на основе равенства. Поднимаясь над индивидом, усредняя его, общество сливается с властью и исчезает. Оттого общество не может ставить задач перед человеком — никто не в силах за философа предопределить его движение. Философ решает не общественные задачи, а продумывает вопросы, которые сам перед собой ставит. Иначе он не философ, а идеолог.

Другое дело, что вопросы философа могут совпадать со злобой дня; но не злобой занимаясь, а собственными вопросами, философия способна играть в обществе незаменимую роль, быть родником духа, тем самым родником, который позволяет духу совершать свой выбор, находить свой путь и свое место в мире людей. Философия никому ничего не должна, как и история, как и литература. Это одиозное утверждение — в нем легко усмотреть и позу салонного художника, и бессильную истерику государственного раба. Но нужно понять, что отказ гуманитарного ремесла от уяснения своего «неоплатного долга» — всего лишь разделение философии и идеологии. Как только философия (как и история, как и литература) озаботилась долгом, она тут же превратилась в идеологию и перестала выполнять собственно философскую работу — работу духовного поиска, работу по наращиванию общественной ткани.

Чтобы вести диалог с историей, надо быть с нею на равных, а для этого — быть равным самому себе. Равенство неделимо. Пока я не избавлен от комплексов в отношениях с властью или иными инстанциями, в том числе и от интеллектуального хамства, и от просветительских инстинктов, равенство недостижимо, а значит, недостижима философия истории и невозможно движение нас, разных, навстречу друг другу.

© М. Рожанский, 1992